

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ В ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, РЕНЕССАНСА И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Если рассматривать Средневековье с точки зрения экономики, то это однозначно время господство отношений распределения над рыночными отношениями. «Независимо от того, что именно оставляло самодостаточную хозяйственную единицу – семья, поселение или феодальное поместье (организмы, весьма несходные по своей природе) в основе всегда лежал один и тот же принцип: производство и хранение продуктов для удовлетворения потребностей данной группы... Потребность в торговле возникает здесь не в большей степени, чем в случае взаимного обмена или перераспределения». [11, С. 65-66.]. При формировании подобного экономического базиса неудивительна глубокая эволюция в общественном сознании ценности такого социального института как деньги.

Параллельно с угасанием и эволюцией ценностных установок античного мира в христианскую этику в раннее Средневековье происходил их сложный синтез с представлениями о ценностях, о добре и зле, господствовавшими в умах варварских народов, покоривших большую часть бывшей Римской империи. Одним из наиболее информативных памятников с точки зрения отношения варваров к деньгам является Салическая Правда, свод законов Франкского королевства начала VI века. По сути это довольно архаические германские обычаи, записанные по приказу франкского короля Хлодвига. Большая часть статей Салической правды представляет собой записи единичных прецедентов и вынесенных по ним судебным решениям. За подавляющее большинство правонарушений предусматривается наказание в виде штрафов. Причём штраф – едва ли не единственное наказание

* © Слатов Д.Г., 2013

за почти все виды преступлений, применявшееся к свободному человеку. Раба могли наказать телесно – бить плетью или кастрировать [12, С. 22, 30.]. Деньгами скрупулёзно измерялись такие понятия как имущество, телесное повреждение, оскорбление и даже сама жизнь, о чём прямо указывается в одной из статей Салической правды: «Если кто коварством или силою отобьет у графа связанного человека, повинен уплатить цену своей жизни». [12, С. 35.]

Следует ли из этого вывод о большей ценности денег в варварском обществе, по сравнению с цивилизованными обществами античности? Античные общества, особенно времён поздней античности, были социумами с развитой государственностью и, соответственно, высокой степенью отчуждения личной свободы человека в пользу государства. В том числе и отчуждением права на легитимное насилие. В варварских же обществах право на легитимное насилие ещё не отчуждено в пользу государства, этот процесс ещё только начинается. Салическая правда зафиксировала именно такой момент. Соответственно, субъектами легитимного насилия пока ещё выступают все свободные люди. По сути, выраженные в денежном виде штрафы за различные правонарушения, есть материальная компенсация ущерба, нанесенного одним субъектом легитимного насилия другому подобному же субъекту.

Пройдя в течение к. V – к. VIII веков сложный и относительно плохо отражённый в исторических источниках процесс синтеза античного и варварских обществ, более известный как Тёмные века, Европа вошла в IX веке в краткий, но примечательный период Каролингского Возрождения. Каролингское Возрождение характеризуется окончательным формированием феодальной системы, временной централизацией государственной власти, расцветом богословия, философии и искусств при дворах первых Каролингов. Усиливается интерес к античному интеллектуальному наследию. Впрочем, вопреки устоявшемуся мнению, в Тёмные века этот интерес никогда не исчезал окончательно, интеллектуальная традиция продолжала существовать. Боэций, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный продолжали

традиции римской учёности, правда уже в форме компиляций и комментариев к более ранним авторам, стараясь приспособить их к потребностям христианского вероучения. В ряду примеров такого интереса стоят дидактические труды Алкуина. Но наряду с подобными компилятивно-дидактическими трудами, в известной степени вторичными и по отношению к античной классике и по отношению к Священному писанию, в эпоху Каролингского возрождения зарождается схоластика, появляются первые оригинальные философские системы Средневековья. К их числу можно отнести концепцию Иоанна Скота Эриугены. Эриугена, считающийся «отцом схоластики», который, тем не менее, стоит вне официальной христианской богословской и философской традиции схоластики Высокого Средневековья, поскольку является пантеистом. [2]

Интеллектуалов раннего средневековья, как в своё время греческих философов-досократиков интересовали в большей степени проблемы онтологические и натурфилософские, нежели аксиологические и, тем более, праксиологические, поэтому вопрос о ценности денег находился далеко на периферии их интересов, или не интересовал вовсе. Тем не менее, отдельные упоминания денег и отношения к ним всё же встречаются и у раннесредневековых авторов.

Отношение Алкуина к деньгам косвенно видно из фразы диалога с его учеником Пипином: «Пипин. Что не утомляет человека? – Алкуин. Прибыль». [14, С. 369.] В этой простой фразе можно увидеть и обыденный житейский здравый смысл, есть в ней и отдалённый намёк на аристотелианское понимание богатства и наживы.

Известный средневековый интеллектуал Пьер Абеляр, чьи идеи довольно существенно расходились с официальной доктриной католицизма, не интересуясь специально проблемой денег, использует яркую метафору: жертва Христа это *выкуп*, заплаченный Всевышнему человечеством. Мы видим здесь, пусть и косвенно, через посредство устоявшейся языковой нормы, представление о деньгах как о всеобщем мериле ценности.

Деньги в философии Средних веков были едва ли не самой непопулярной темой. Общехристианский пафос нестяжательства сформировал устойчивый взгляд на деньги как на некую низкую сущность, имеющую дьявольскую природу, что проявилось в низком статусе самого социального концепта денег, относительно других социальных концептов. Начисто исключается их самооценность. Операции с ними сильно ограничены. Деньги это сущность враждебная традиционному средневековому социуму. Их самовозрастание – греховно.

Ядром социально-философских представлений Средневековья о деньгах вообще, на наш взгляд являются представления о ростовщичестве, поскольку именно в процессе ростовщичества деньги сами порождают деньги, не взаимодействуя с другими сущностями, и следовательно, в ростовщичестве проявляется их сущность в наиболее чистом виде. Лучшее всего позицию церкви в отношении к ростовщичеству в XIII веке, веке наивысшего расцвета Средневековья, отражает кодекс канонического права: – ростовщичество, это всё, что требуют в обмен на заём сверх самого ссуженного имущества; занятие ростовщичеством – смертных грех, запрещённый Ветхим и Новым Заветами.

Основные следствия такой доктрины:

Ростовщичество порождается смертным грехом алчности. Другой смертный грех, порождаемый алчностью, – торговля духовными благами.

Ростовщичество – это кража, кража времени принадлежащего только Богу, потому, что заставляет платить за время, прошедшее между ссудой и её возвращением. Поэтому ростовщичество порождает новый тип времени – ростовщическое. Деньги сильно изменили представление людей средневековья о времени. [5, С.85.]

Ростовщичество – грех против справедливости, как подчёркивает Фома Аквинский [15], считавшейся в ту пору одной из важнейших добродетелей. Он считает, придерживаясь, аристотелевского взгляда, что «деньги не рождают деньги». Поэтому это ещё и грех против природы, которая согласно схоластической традиции – творение Божье.

В одной из старейших «сумм» исповедников, написанных в начале XIII века, «Сумме» Томаса Чобхема, англичанина, учившегося в парижском университете, есть следующее замечание «Ростовщик хочет получать прибыль безо всякого труда, и даже тогда спит; это противоречит заповеди Господа, сказавшего: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19). [5, С.87.]

Высказывание Чобхема примечательно ещё и потому, что здесь возникает ориентация на ещё одну неоднозначную ценность средневековья – ценность труда. Труд, ранее считавшийся наказанием за грех, начинает постепенно реабилитироваться. И противопоставление ростовщической прибыли и труда уже показывает труд, как ценность, имеющую скорее позитивное содержание. А рост престижа труда постепенно ведёт к реабилитации денег в целом.

Известный французский медиевист Жак ле Гофф выделяет категории «нового богатства» и «новой бедности» в Средние века. «Это уже не земельное богатство, богатство сеньоров и монастырей, это было богатство бюргеров, купцов, тех, кого называли ростовщиками, и кто скоро станет банкирами. Стоимость этого богатства выражалась в монетах, будь то монеты реальные или счётные. Тем не менее, это богатство в большей степени имело социальное значение, чем чисто экономическое». [5, С.100.]

Деньги просачивались в христианское воображаемое с давних пор. Ещё в начале XII века французский монах Франсуа Вандомский сравнил освященную облатку с монетой лучшей чеканки, потому, что её круглая форма напоминала круглую форму монеты, а способность облатки приравняться к спасению ассоциировалась со способностью монеты олицетворять собой ценность. [5 С.101.]

Окончательная реабилитация денег к сознанию философов и интеллектуалов происходит в эпоху Возрождения. Италия – родина банковской системы и страна с наиболее монетизированной экономикой Средневековья. Поэтому неудивительно, что именно там появляются мыслители, окончательно выводящие деньги из ценностного пространства греховного в пространство позитивных ценностей.

Впервые откровенно положительное отношение к деньгам можно увидеть у венецианского гуманиста, патриция Франческо Барбаро в трактате «О женитьбе» 1415 года. Подобные оценки мы встречаем и флорентийских авторов. Так Леонардо Бруни, государственный деятель и философ в предисловии 1420 года к латинскому переводу «Экономик» псевдо-Аристотеля откровенно восхваляет богатство. Флорентиец Поджо Браччолини в своём трактате «О жадности», созданном в 1429 году, также восхваляет богатство.

Особенно ярко этот новый взгляд на деньги и богатство был выражен ещё одним флорентийцем, блестящим архитектором и теоретиком искусства Леоном Батистой Альберти в трактате «Книги о семье», датированным 1437-1441 годами. Альберти откровенно пишет «Я исходил из того, что деньги – это корень всех вещей, их материя и приманка. Никто не усомнится, что деньги суть нерв всех ремёсел, ибо у кого много денег, тот не знает нужды и способен исполнить любое своё желание». [1, С. 227.]

Уже на излёте итальянского ренессанса даже происходит инверсия средневековых ценностей – плохое становится хорошим, хорошее плохим. Великий политический философ Николо Макиавелли в своём знаменитом «Государе» по сути выводит скупость из числа пороков и возводит её в ранг добродетелей, что было немислимо для средневекового человека, считавшего добродетелью её антитезу – щедрость. «Чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, – то и презрение... Итак, ради того, чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя» [9, С. 91-92.]

Современник Макиавелли, известный английский политический деятель, социальный философ и гуманист Томас Мор пишет знаковый труд «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», более известном как просто «Утопия» и ставший именем нарицательным для целого литературного жанра. В этой работе он даёт принципиально иное видение ценности денег. Томас Мор выводит в качестве идеального, общество, полностью отказавшееся от денег. Более того, золото, к тому времени в Англии уже являющееся синонимом понятия «деньги» нарочито унижается и профанируется Мором, он предлагает изготавливать из него оковы для преступников [10].

Другой известный философ утопист Томазо Кампанелла в своём труде «Город солнца» высказывает своеобразное и даже несколько наивное для человека XVII века отношение к феномену денег. «Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков. Из разных стран являются к ним купцы для закупки излишнего для города имущества, но Солярии отказываются продавать его за деньги, а берут в обмен по соответственной оценке недостающие им товары, которые часто приобретают и за деньги... но старики не смеются этому, ибо опасаются развращения нравов в городе рабами и иностранцами. Поэтому торговля происходит у городских ворот, а рабов, захваченных на войне, они или продают, или употребляют либо на копанье рвов, либо на другие тяжелые работы вне города» [6].

Кампанелла понимает, что деньги это ценная вещь, в первую очередь полезная для внешних контактов государства, но в первую очередь они для него исключительно вредная сущность, развращающая человека, поэтому контакт с ними в идеальном обществе должен быть жёстко ограничен. Примечательно, что иностранцы-рабы, знакомые с феноменом денег, не контактируют с жителями города Солнца, а работают вне его стен.

Как объяснить столь резкое расхождение во взглядах ранних итальянских гуманистов с философами утопистами? С нашей точки

зрения, колоссальный переворот, происходивший в общественном сознании образованных европейцев в XVI-XVII веках, порождал различные типы реакции на изменение социальной реальности. В случае с ранними итальянскими гуманистами мы видим исторический оптимизм, вообще свойственный философии гуманизма, веру в могущество творческого потенциала человеческого разума, позитивная ценностная нагруженность его творений, будь то технические новшества или новые социальные феномены.

Философы-утописты тоже дети своего времени. Их философия тоже рациональна, но имеет иную ценностную направленность. Если для ранних гуманистов ценно всемогущество человеческого разума, ценно любое действие, меняющее этот мир, т.е., по сути, совместно с Богом творящего его, то философы утописты тоже хотят изменить этот мир, но уже потому, что он плох и отходит всё дальше и дальше от Божьих установлений. Утопизм как философия характеризуется максимализмом, антиисторичностью, перфекционизмом и, как уже было сказано, рационализмом, верой в гибкость, пластичность общественного порядка. Для утопизма рацию только инструмент достижения социальной справедливости и гармонии, а не основной объект восторженного восхищения.

Весьма показательно появление в это же время экономической философии меркантилизма. Меркантилизм является не только и даже не столько философией, сколько определённой политико-экономической практикой, получившей своё социально-философское обоснование.

Для меркантилизма характерны следующие основные черты:

Во-первых, деньги рассматриваются как синоним и абсолютная форма богатства.

Во-вторых, в качестве предмета исследования выступает сфера обращения.

В-третьих, источником роста богатства государства является внешняя торговля и/или добыча благородных металлов.

К числу меркантилистов относится известный экономист и финансист Томас Грешэм (1519-1579 гг.), один из авторов знаменитого закона Коперника-Грешэма. Суть этого экономического закона в том, что «плохие» деньги вытесняют из обращения «хорошие», которые тезаврируются населением, т.е. накапливаются в виде сокровищ. Философский смысл этого закона состоит в том, что имеется объективная ценность денег и при принудительном, т.е. субъективном, увеличении этой стоимости люди продолжают отдавать предпочтение деньгам, в наиболее полном виде сохраняющим именно объективную, а не субъективную стоимость.

По сути, меркантилизм – первая идеология, в рамках которой деньги окончательно выведены в пространство позитивных ценностей, причём ценностей априорных. По факту, любой способ количественного приумножения денег мыслится как благо, независимо от его этичности. Не случайно именно в это время расцветает практика работорговли в колониях европейских держав.

В эпоху раннего Нового Времени широко распространяется социальный концепт договора, как универсальный принцип взаимодействия равных субъектов. Отчасти этому способствовало широкое распространение в это время торговли, для которой подобный дискурс был естественным, и перенесение модели договорных отношений на другие сферы социального бытия.

Великий английский философ Томас Гоббс, будучи сторонником договорной концепции возникновения государства, да и вообще социальных связей, рассматривал феномен ценности денег в первую очередь как сущность, выступающую эквивалентом иных ценностей, например, жизни или свободы распоряжения трудом. С другой стороны, деньги упрощают и оптимизируют сам акт договора. Так Гоббс пишет: «Например, если я заключаю соглашение с врагом об уплате выкупа или о службе ему в обмен на свою жизнь, то я связан таким соглашением. Ибо такого рода соглашение есть договор, при котором один получает благо жизни, другой должен получить взамен деньги или службу». Впрочем, деньги, как таковые, Гоббса также интересо-

вали: «Деньги – кровь государства... Ибо золото и серебро, которые высоко ценятся почти во всех странах света, являются удобным мериллом ценности всех вещей в сношениях между народами, а деньги (из какого бы материала суверен государства ни чеканил их) являются достаточным мериллом ценности всех вещей в сношениях между подданными данного государства» [4, С. 173-174.]. Гоббс чётко различает различную природу ценности разных видов денег: «А так как серебро и золото имеют свою ценность от их материала, то они имеют, во-первых, ту привилегию, что их ценность не может быть изменена властью одного или нескольких государств, ибо они являются общим мериллом товаров всех стран. Деньги же, сделанные из неблагородных металлов, легко могут быть повышены или понижены в своей стоимости... она подвержена изменениям в связи с изменениями законов, так что ее стоимость может быть снижена, часто к ущербу тех, кто ею обладает» [4, С. 174.].

Итак, Гоббс определяет основные функции денег как эквивалент ценности в договорных отношениях и как переносчик ценности внутри и между государствами. Кроме того, природа ценности денег двойка – золото и серебро самоценны, деньги из иных материалов обладают ценностью в силу государственного принуждения и являются деньгами только там, куда распространяется сила государства.

Другой великий английский философ Джон Локк, икона либерализма, упоминал о деньгах не только метафорически, говоря, что «...истина важнее и ценнее денег», [8, С. 551] но и обращал внимание на то, что ценность любых денег – также договорной акт. «Люди *согласились*, что маленький кусочек желтого металла, который может сохраняться, не истираясь и не ржавея, будет обладать такой же ценностью, как огромный кусок мяса или целая куча зерна» [7, С. 282.] [Курсив мой – Д.С.]. Отметим, что если Гоббс различает самоценность денег из драгоценных металлов и принудительно устанавливаемую ценность денег из других металлов, Локк декларирует договорной характер ценности любых денег в принципе. Локк даёт важные замечания о ценности денег, рассматривая их как общепринятый

договорной инструмент накопления. Именно деньги, по мнению Локка, дали толчок к формированию частной собственности, дав возможность людям накапливать благородные металлы вместо скоропортящихся ресурсов и тем самым мотивируя людей приобретать любые ресурсы вообще, сверх необходимого им для повседневного потребления уровня, поскольку они могут быть превращены в деньги, т.е. богатеть [7, С. 289.].

Гольбах, являясь одним из философов-просветителей, вполне разделял базовые для них либеральные принципы, равно как и их акцент на установлении справедливости, как базовой ценности общества. В силу этого представляет интерес антитеза роскоши и богатства. По Гольбаху роскошь – это не только и не столько накопление редких, дорогих и приятных вещей. Это в первую очередь – особое состояние общества, в котором богатство стало принципом, базовой ценностью, а накопление богатства – страстью. Гольбах считает, что самоценность денег, их безудержное приращение является ценностью отрицательной, ведущей к разрушению общества. [3]

Во второй половине XVIII века большую популярность приобретают идеи физиократов, наиболее известными из которых были Франсуа Кенэ (1694-1774 гг.) и Анн Робер Жак Тюрго (1727-1781 гг.). Несмотря на то, что сами физиократы предпочитали называть себя экономистами, на наш взгляд чистой экономикой идеи физиократии не ограничиваются, выходя в плоскость философии.

В основании учения физиократов лежала, уже ставшая к указанному времени общим местом, концепция естественного права, опирающаяся на идеи Платона и Аристотеля, а также труды философов Нового Времени, в первую очередь Гоббса и Локка. Доктрина естественного права подразумевала, что человек от природы обладает определёнными правами – правом на жизнь, свободу, на труд и его результаты, на собственность. Права в данном случае понимаются как позитивные ценности универсального характера, в отличие от средневекового понимания прав, как корпоративных привилегий, одновременно являющихся корпоративными обязанностями.

Физиократы использовали эту доктрину как для обоснования необходимости и естественности буржуазных свобод, так и как доказательство наличия естественных экономических законов, вытекающих из самой природы вещей и не подвластных воле отдельных индивидов.

Для наших целей наибольшую значимость будет представлять точка зрения Тюрго, изложенная в его основных работах «Размышления о создании и распределении богатств» (1766 г.) и «Ценности и деньги» (1769 г.). По мнению Тюрго под словом «ценность» люди понимают пригодность вещи по отношению к их потребностям. В основе появления ценности лежат субъективные оценки полезности, имеющиеся у разных людей. Тюрго называет их «ценности значения». Тюрго особо обращает внимание на субъективность ценности значения, отмечая, что её величина зависит от индивидуальных особенностей людей, места и времени. Главными факторами ценности значения являются полезность предмета, иначе говоря, интенсивность потребности, удовлетворяемой данной вещью, а также её редкость.

Интересен проведённый Тюрго анализ меновой ценности. Допустим, что есть два владельца разных товаров. Чтобы возник обмен, каждая из сторон должна оценивать желаемый товар выше, чем имеющийся. В процессе обмена стороны приходят к соглашению по поводу разницы уровней ценностей значения и тем самым устанавливают меновую ценность. В итоге, обмен увеличивает богатство обменивающихся в том смысле, что обмен «... даёт им с теми же средствами большее количество наслаждений» [13].

Таким образом, за тысячелетнюю историю европейского Средневековья ценность денег в общественном сознании претерпела глубокую эволюцию – от относительно нейтрального в ценностном отношении индикатора ущерба времён варварских Правд, и безразличия первых схоластов, через негативную ценностную коннотацию времён высокого Средневековья к реабилитации денег и связанных с их приумножением социальных практик в эпоху позднего Средневековья. Особенно ярко оправдание денег проявилось в эпоху Ренессанса и Нового Времени. Во всех случаях можно выделить общую законо-

мерность – чем более общество ориентировано на человека и человеческую свободу как ценности, тем выше в нём статус ценности денег в иерархии других ценностей.

Также необходимо отметить возникающую в эпоху Ренессанса и окончательно складывающуюся в раннее Новое время рациональность и проактивность знания, в первую очередь опытного знания, его направленность на результат, закладываются основы современной экономической науки. Деньги в целом окончательно выводятся из пространства профанного и низкого в пространство нормативных, базовых ценностей человеческого общества. Более того, даже происходит временная абсолютизация ценности денег в идеологии меркантилизма.

Библиографический список

1. Альберти, Леон Батиста. Книги о семье. пер. М.А. Юсима. М., Языки славянской культуры. 416 с.
2. Блинные Л.В. Краткий словарь философских персоналий. Иоанн Скотт Эриугена. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rodon.org/blv/ksfp.htm#a42>
3. Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции XVIII века. М., Изд-во Академии Наук, 1958. 414 с.
4. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., «Мысль», 2001. 480 с.
5. Гофф, Жак Ле. Средневековье и деньги: Опыт исторической антропологии. СПб, Евразия, 2010. 222 с.
6. Кампанелла Т. Город солнца. / <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt>
7. Локк Дж. Второй трактат о правлении. / Локк Дж. Сочинения в 3-х томах: Том 3. Под. ред. И.С. Нарского, М., «Мысль», 1988. 668 с.
8. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. / Локк Дж. Сочинения в 3-х томах: Том 1. Под. ред. И.С. Нарского, М., «Мысль», 1985. 623 с.
9. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: Эксмо-пресс, 2001. 656 с.
10. Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. / <http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/history01.php>

11. Поланьи К. Великая Трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: «Алетейя», 2002. 315 с.
12. Салическая правда (Перевод Н.П.Грацианского). М.: Образц. тип. им. Жданова, 1950. 120 с.
13. Тюрго А.Р.Ж. Избранные экономические произведения. М.: Соц-экгиз, 1961. 172 с.
14. Филиппов Б., Ястребицкая А. Европейский мир X-XV веков. М., Интерпакс, 1995. 378 с.
15. Фома Аквинский. Сумма теологии. Киев: Ника-центр, 2005. Т.3. 576 с.